

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

3

Этнометодология * 3

Этнометодология
и этнографические исследования

Выпуск 3

Москва 1997

Э. МЕТОДОЛОГИЯ

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 3

Moscow 1997

Редакторы-составители

*А.А. Пископелъ
В.Р. Рокитянский
Л.П. Щедровицкий*

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.3:
Сборник статей - М., 1997.- 144 с.

ISBN 5-89260-002-5

Третий выпуск сборника «Этнометодология» целиком посвящен теме «Этническое и диаспоральное». Рассмотрение диаспор как своего рода глобального эксперимента по выживанию этнических образований, по их трансформации или сохранению ими своей идентичности в условиях интенсивного изменения среды их обитания позволило обсудить широкий круг вопросов, касающихся как природы этнической реальности, так и перспектив глобальной эволюции.

The whole of the third issue of the article collection «Ethnomethodology» is dedicated to the topic «The ethnic and the diasporal». Treating diaspora as a kind of a global experiment on ethnic communities survival, on their transformation or identity maintenance under intensive change of their habitat has made it possible to discuss a broad range of issues, concerning both the nature of ethnic reality and global evolution perspectives.

© Редакторы-составители, 1997

От редакторов-составителей

В третьем выпуске «Этнометодологии» публикуется запись многодневного «круглого стола», посвященного теме «*Этническое и диаспоральное*». Сохранив единство с первыми двумя выпусками сборника (1994, 1995) в предмете (понимаемом в широком смысле — как *этническое*), сохранив и общую методологическую ориентацию, преимущественное внимание к средствам, которыми осуществляется мыслительная работа в этой области, составители пошли на сей раз на существенное *жанровое нововведение* — публикацию «живой», спонтанно разворачивавшейся дискуссии. Обращение к этому жанру обусловлено следующими соображениями. Во-первых, здесь мы имеем дело с конденсированным выражением той принципиальной дискуссионности и незавершенности, которая, на наш взгляд, свойственна всякой подлинной научной, философской и методологической мысли. Во-вторых, этот жанр помог нам расширить круг участников сборника. В-третьих, живая беседа, хотя она обычно и уступает отделанному тексту в отношении строгости и последовательности рассуждения, чаще всего выигрывает в провокативной силе и увлекательности.

Это не стенограмма, а обработка аудиозаписи. От самого реального события «круглого стола» представленный текст отличается в двух отношениях: во-первых, некоторые выступления настолько отклонились от основной темы, что

From the editors

The third issue of «Ethnomethodology» contains a text of a round-table discussion of many days «The ethnic and the diasporal». Being thus similar to the first two issues (1994, 1995) in its subject (conceived broadly as «the ethnic» as well as in its reflexive-methodological orientation, in the primary focus on the means of apprehension in this domain, the editors have tried a certain genre innovation by publishing a lively, spontaneously developing discussion. The usage of this genre is stipulated by the following reasons. First, here we deal with a condensed expression of that kind of fundamental incompleteness and the spirit of debate, which are inherent to every truly scientific, philosophical or methodological thinking. Secondly, this genre has helped us to expand the number of potential participants of the book. Thirdly, though a debate usually concedes to the well written text in logical reasoning and austerity, it supersedes the written word in provocative force and fascination.

The text of a taped and edited discussion deviates from the «live event» as well as from a stenograph in several respects. First, some of the remarks and fragments of the debate were considered by the editors as irrelevant and excluded on this basis from the final version. Second, the participants have slightly edited their contributions.

редакторы решили некоторые фрагменты исключить; во-вторых, участники обсуждения слегка отредактировали свои части текста.

Обсуждение темы происходило следующим образом. После начальной беседы, в ходе которой участники попытались объяснить характер своего личного интереса к поставленной на обсуждение теме, последовал доклад О.И.Генисаретского, обсуждение которого переросло в свободную дискуссию по всему кругу затронутых вопросов.

Диаспоры, место и значение которых в жизни современного человечества существенно возросло в сравнении с прошлыми эпохами и продолжает расти, представляют собой — с точки зрения исследователей этнического — своего рода глобальный эксперимент по выживанию (или невыживанию) этнических образований, их трансформации и (или) сохранению ими своей идентичности в условиях интенсивного изменения и диверсификации как социокультурной, так и природной среды их обитания. Многоплановость этого «эксперимента» и различия в подходах к теме участников «круглого стола» позволили им обсудить широкий круг вопросов, касающихся как природы этнической реальности, так и перспектив глобальной эволюции.

The discussion had proceeded as follows. During the introductory part the participants tried to find out their personal motivations in the topic under discussion, then a presentation by O.I.Genisaretsky had followed, which served as a departure point for the open discussion of all the relevant issues.

The place and meaning of a diaspora have substantially grown and continue to grow in the life of contemporary humankind if compared with the previous epochs. The scholars of ethnic phenomena view diaspora as a kind of ethnic communities survival (or destruction) experiment on a global scale, their (communities) transformation and/or their identity maintenance under intensive diversification and change of their sociocultural and natural habitat. Multidimensionality of the «experiment» and different approaches to the subject of the round-table participants had enabled them to discuss a broad range of issues, concerning both the nature of ethnic reality and global evolution perspectives.

Этничность и диаспоральность

Круглый стол*

Участники:

О.И. Генисаретский

С.Э. Зуев

А.А. Пископелъ

М.В. Рац

В.Р. Рокитянский

Р.И. Спектор

М.С. Хромченко

День первый

О. Генисаретский. Предлагаю начать нашу работу не с обсуждения понятий, концепций, моделей — это можно делать до бесконечности, — а с предъявления каждым участником своей личной заинтересованности в теме, своей человеческой озабоченности (с указанием при этом, кому она адресуется). Скажем, когда речь идет о национальном самоопределении или об этнической идентичности более или менее понятно, как и к какому субъекту мы апеллируем, а вот в случае с диаспорами даже такой внятности нет.

В. Рокитянский. Что касается меня, то, с моей точки зрения, тему диаспоры можно рассматривать в двух основных ракурсах.

* Тема «круглого стола» — «Этничность и диаспоральность» — была инициирована Международным журналом «Магистериум», пригласившим М.С.Хромченко в качестве разработчика концепции и редактора-составителя тома «Диаспоры» (выход в свет намечен на конец 1997 — начало 1998 г.). Обсуждения за «круглым столом» проходили раз в неделю в январе-феврале 1995 г. в помещении Института наследия. Предлагаемый ниже текст — не стенограмма, а обработка аудиозаписи, сокращенная и слегка отредактированная участниками обсуждения. Из-за пролонгированного режима работы некоторые участники не смогли присутствовать на всех заседаниях.

Во-первых, как особый исторический феномен, возникавший чаще всего вследствие различных катаклизмов. Сейчас мне такой ракурс неинтересен.

Другое дело, что исподволь начинается разговор о диаспорах как о результате сознательного выбора образа жизни — будь то в рамках индивидуально-экзистенциального проектирования жизни или какого-то социального проекта. Вот в этом ключе, как проявление более широкой тенденции как бы «расковыwania» социально-проектного воображения, этот феномен мне значительно интересней.

Если речь идет о проектировании индивидуальной жизни в диаспоре, то это предполагает, как минимум, два разных самоопределения: во-первых, жить вне той государственной, территориальной, этнической, социальной целостности, с которой ты связан происхождением, во-вторых, сохранять свою этническую принадлежность. Второе часто забывается, хотя эмигрировать — это еще не значит жить в диаспоре. Человек, который «просто» эмигрирует, старается поскорее забыть, откуда он приехал, и это естественно, поскольку для его социального и личного успеха такая память может быть помехой. Если это и остается какой-то частью его психологического и культурного антуража, то все равно не может быть содержанием самоопределения.

Если же мы говорим о диаспоральной форме жизни как некотором социальном проекте, то в нем можно видеть некоторую третью — наряду с двумя ранее выдвинутыми — глобальную социально-проектную альтернативу. Одна из этих альтернатив — мондиалистский проект, слияние мира в нечто культурно однородное; другая — более традиционный и пока реально осуществляющийся проект «мира наций», при котором государственно организованные национальные целостности сосуществуют и так и должны существовать до конца времен, каким-то образом уживаясь друг с другом.

А теперь (так можно понять) предлагается другой способ организации мира, некое полиэтническое человечество, в котором, независимо от наличия государств или транснациональных блоков, могут существовать этнокультурные целостности, не связанные с определенной территорией, имеющие или не имеющие метрополий, но при этом не исчезающие и не растворяющиеся.

Чтобы воспринимать такой проект как осуществимый, хотя бы теоретически, следует предположить выполнение некоторых условий. Если говорить о духовно-психологических условиях, надо обратить внимание на то, что определение себя как живущего в диаспоре предполагает способность человека к множественности идентификаций, как диахронной, так и синхронной. Если человек по собственному выбору живет в иноэтнической среде, то в норме он не может быть от нее изолирован, и значит, он должен быть полилингвистичным, поликультурным, и это должно быть для него нормальным и даже в каком-то смысле родным. И, как естественное следствие возможности первого такого шага, он должен иметь право и возможность менять свое окружение сколько угодно раз, или неограниченно умножать количество своих этнических принадлежностей.

Что же касается социокультурных условий, то сам этот вопрос мог, очевидно, встать лишь в современном мире с его коммуникационными и транспортными сетями, когда человек обрел возможность легко перемещаться, общаться и т.д. Иными словами, типичное старое определение нации, которое первым пунктом включало территориальную общность, если еще и не потеряло силу, то, предполагается, потеряет ее в том будущем, когда рассматриваемая глобальная альтернатива станет реальностью.

Наконец, последнее и, может быть, самое неочевидное с точки зрения осуществимости: предполагается исчезновение того, что я назвал бы «фронтальной атмосферой». Сегодня идентификация с той или иной общностью связана с занятием позиции — в какой-то борьбе, не обязательно кровавой, пусть только в культурной или экономической конкуренции. В новом устройстве мира предполагается такое изменение ментальности, которое позволяло бы людям принадлежать к разным этнокультурным целостностям, ничуть не смущаясь тем, что они при этом кого-то «предают» или что размывается солидарность с теми, кому они ею обязаны.

*С. Соколовский*¹. Я участвовал в другом семинаре на ту же тему — не методологическом, скорее, предметном. И уже тогда мы, во всяком случае некоторые из присутствовавших, пыта-

¹ В связи с отъездом в заграничную командировку в дальнейшей работе за «круглым столом» участия не принимал.

торая в чистом виде стоит или стояла за нуминозностью для религиозно ориентированного сознания — она (нуминозность) рефлектируется как переживание и овладение особыми интенциональными состояниями сознания, которые вполне могут быть из ее состава «отщеплены» и практиковаться в психопрактике рефлексивным образом. Это некая субкультура интенциональных состояний — типа «откровения». Вот только тогда нуминозность и становится ресурсом тех возможностей, которые виртуально всегда с тобой и, что очень важно, не подконтрольны. Пророк видит сон и во сне общается с Господом, но потом выходит на площадь, и бьют не ангела, а побивают камнями его самого, если он не сумел оттранслировать видение, его содержание. «Отщепление» нуминозного состояния — гарант свободы, потому что побить камнями само состояние нельзя.

Был один эпизод в истории нашего диссидентского движения, когда арестовали о. Дмитрия Дудко и все ждали с его стороны некоего героического действия — «возьмет на себя» свою роль и понесет... Но по ТВ был показан акт покаяния, вызвавший подозрение в применении к подследственному психотропных средств. Раннехристианское мученичество касалось тела, но душой ты был свободен: принимаешь ты смерть добровольно или насильственно — твоя посмертная судьба благодатна. После этого ТВ-сеанса в ряде статей, одну я читал сам, ставился вопрос: как быть, если применялись психотропные средства или гипноз, свободна ли была душа, или нет? Если свободна, то мученичество есть, если не свободна, то нет. В английской прессе прошла дискуссия, епископ Кентерберийский высказался в том смысле, что она все же свободна. Когда впоследствии тот же вопрос я озвучил в Ассоциации христианской антропологии, то психиатры привели ряд примеров патологии, при которых свобода души сохраняется: при кататонии возможно молитвенное обращение и т.п. Но тем не менее нуминозность при практиковании интенциональных состояний для меня по-прежнему мыслима как ресурс во всей той проблематике, о которой я тут говорил.

Но существуют два эмпирических психокультурных ограничения, которые должны быть в этом случае преодолены.

Первое препятствие — невротический нигилизм. В прошлом веке нигилизм был идеологическим, сейчас стал невро-

тическим. Под нигилизмом подразумевается неспособность к переживанию подлинных ценностей, характерная для каждого невротизма: любое чувство, подлинное для человека, переживается как иллюзия. Т.е., например, человек не способен к любви, но на «внутренней сцене» якобы переживает это чувство, со всеми сопутствующими аффектациями. На этом выросла психотерапия.

Другой уровень, относящийся к психозам — аутизация: такие фигуры, как индивидуализм и т.д., имеют вынужденное психологическое выражение в психологии одиночества — уровень самозакрытия и аутизации, замыкающихся на виртуальное время раскручивания глубинных бессознательных структур, представляющих человека один на один с собой в этой нетранслируемой виртуальной реальности. И здесь, помимо освобождения, связанного с диаспоризацией, есть порабощающий, связывающий механизм, в том числе невротический нигилизм на культурном и психосоматическом уровне. В этом развороте тема здоровья является одной из рамок, фоном продвижения в антропологическом горизонте. Тут я со Спектором совершенно согласен.

Что же касается непосредственно суицида, то существует этническая константа самоубийств на 10.000 жителей, которая в наблюдаемое время до сих пор сохранялась. Замечательный факт, говорящий о том, что суицид культурно табуирован.

И последнее замечание: каждому кругу обсуждаемых тем соответствует свой культурный этикет. Говоря о суициде, мы переступаем некоторую черту, что побуждает к особой рефлексии.

Р. Спектор. Только здесь есть и другое основание. Ситуация с пророком имеет абсолютно этически заданный контекст, потому что даже в первой встрече с Господом (документированной) звучит испуг Моисея: я пойду и скажу, но кто мне поверит? Требуются еще какие-нибудь свидетельства, народ ведь жесток — на чем и строится вся драма еврейской истории. Это к тезису о неустранимой «намагниченности», подсознательном отличии одних от других. Что же касается проектирования или демонстрации интима, которые мы можем почти однозначно выделить, настолько они откровенно лезут в культуру, то можно даже зримо увидеть как к Новому времени складывается своя эстетическая практика — от мизансцен к автопортрету.

Гносеологическая точка зрения — тоже существенная вещь, мы начинаем понимать, как много в человеческом общежитии было табуировано. Здесь очень интересен набор и типосообразность таинств, что определенно сближало культуры, где смерть нисколько не противостояла жизни, а была еще одним обрядом, подлинно живым и культурным продолжением жизни. Я имею в виду всю Заветную историю. И другое — секс, изначально табуированный, и как бы мы не квалифицировали раннехристианскую аскезу или сверхспиритуализированные еврейские стереотипы поведения, мы видим, что на пороге мировой войны XX века они начинают сглаживаться и выравниваться. Смерть начинает табуироваться, она выводит за пределы культурного существования (и, наоборот, начинает проталкиваться «сексуальная революция») — человек в момент смерти видит не других человек и/или духовное лицо, а какой-нибудь осциллограф или капельницу. Сексуальная же культура, как гуманитарная практика и текст, вырождается в дегуманизированный, порнографический фильм.

На мой взгляд, это очень существенные вещи, потому что в культурном поле заявлены как некие реалии моменты, заставляющие Бахтина или Библера говорить о наполненном и достаточном взаимодействии, множестве таких взаимодействий. С их точки зрения это спасительно, а с моей — нуждается в ресурсной рефлексии: из этого ли источника будет черпать будущий миропорядок или из какого-либо другого?

И, наконец, еще один тезис: об одиночестве. Оно не есть проклятие, в согласии с которым нечто двуное и монополюе оставлено в изоляции. Одиночество как переживание — я возвращаюсь к Заветной форме — это богооставленность, а не изолированный субъект, являющийся мотивом наших сегодняшних сомнений.

Что такое богооставленность — вопрос, на мой взгляд, неотделимый от всего контекста диаспоральности. Она тоже имеет свое качество и устройство, что, увы, заставляет нас лезть в глубины бессознательного, психического, которое тоже, как нам пытаются показать, связывает людей — оспособленные, они многое могут делать, поскольку психокультурны. Все это нуждается в особом проговаривании. И мне не верится, что аксиология или идеология могут заменить то исходное и предельное качество, где человек ощущал себя божьей тварью. У нас

этой ценности нет. А без этого нам не опуститься к стволу, где не разные, а любые ветви еще возможны.

М.Хромченко. Оставляя на будущее плотные тексты, проговоренные О.Генисаретским и Р.Спектором, хочу вернуться непосредственно к теме диаспоры. Прежде всего, я не хотел бы, чтобы меня понимали так, что, мол, диаспоральность есть единственная современная форма существования человеческого общезития, есть и другие, которые здесь непосредственно не обсуждаются.

Мне близка мысль Г.П.Щедровицкого, что XXI век будет веком самодостаточного существования малых (и средних) групп, а диаспора, на мой взгляд, и есть одна из форм таких групп, а уж каким содержанием она наполняется — вторичный вопрос. Может быть, и не только этническим.

Мне по-прежнему не очень ясно, какое содержание мы вкладываем в представление (даже не в понятие) об этносе. Очень красиво звучит: тео-этно-культурный субъект, но разве такой субъект может, вопреки Пруткову, «объять» все вообще? Или пресловутая «постнациональная этничность» — как ее помыслить по сути дела?

Движение человечества от «пра-семьи» к семье планетарной проходит разные этапы, и каждая организованность, включая этнос, наверное, важна для оргуправляющих структур-институтов. Но даже самая первая человеческая «ячейка» по сей день не имеет понятийного оформления — подразумевается и не более. Но можно ли по-прежнему мириться с неопределенностью наших «проговариваний»?

На мой взгляд, если использовать простейшую графику, диаспора должна представляться некоей стрелкой (движением в пространстве-времени) и обязательным разрывом с корнем и исходом, независимо от того, будет ли сохраняться связь. Обязательно и вхождение в новое целое (пунктиром или сплошной линией). И, наконец, некоторый «упор в другое», в некую границу другого целого — место взаимодействия с ним диаспоры.

Если подключить сюда другую графему с четырьмя фокусами — телесности, духовности, мышления и деятельности — то движение в «горизонтальной» плоскости воспроизводящегося «живого тела» (телесности-духовности) для меня и будет маркировать этнос. Такого рода схему я хотел бы обсуждать в следующий раз, когда мы соберемся вместе.

Приглашение в будущее (место заключения)⁸

Мы живем в мире, для которого все более характерным становится постоянно нарастающая миграционная динамика, с одной стороны, порождаемая, а с другой — порождающая расхождение прежде единых оснований и горизонтов человеческого существования: национального, государственно-политического, цивилизационно-технологического, этнокультурного, этно-культурно-религиозного. Все это, на наш взгляд, симптомы и провозвестники становления нового мирового порядка.

Для того чтобы быть готовыми к возможным последствиям этого нового «переселения народов» в мире, вся карта которого поделена между национальными государствами, и удержать его в цивилизационном русле, необходимо распознать его будущие черты в исторически уже определившихся феноменах и тенденциях, выявить в них тот потенциал развития, который может быть освоен и использован для разрешения ключевых проблем наступающего тысячелетия.

Одним из таких феноменов — может быть, центральным в контексте миграционной динамики — является древний как мир, неизменно сопровождающий историческое человечество феномен диаспоральности и жизни в диаспорах.

Есть основания утверждать, что в этом феномене содержится исторически определенный ответ на вопрос о сохранении этнокультурной идентичности народов, их исторической судьбы в условиях перманентной миграции и национально-государственной формы человеческого существования. Причем ответ не гипотетический, умозрительный, а совершенно конкретный, прошедший проверку на историческую подлинность.

В свете этого исторического ответа одним из измерений формирующегося мирового порядка будет то, которое можно было бы обозначить рефлексивной метафорой «диаспора диаспор».

Это предполагает изменение отношения к феномену диаспоральности, опознание в диаспорах особых, исторически и социокультурно своеобразных организмов народной жизни,

⁸ Работу «круглого стола» его участники решили завершить неким резюме, в котором были бы сведены вместе конструктивные идеи, возникшие в ходе обсуждения. Они представили свои предложения О.И.Генисаретскому, который на их основе написал общий текст (подвергнутый здесь незначительным сокращениям и редактированию).

обладающих всей полнотой ее проявлений, а значит, и признание их полноправными субъектами народной жизни в глазах мирового сообщества.

Стоит оговориться, что придание феномену диаспоральности универсального значения, чем бы оно ни было мотивировано, пока может оцениваться лишь как культурно-политический и гуманитарный проект, требующий для своего разворачивания фундаментальной проработки на разных методологических и практических уровнях.

Такой проект мог бы объединить вокруг себя тех, кто заинтересован в поиске путей совмещения традиционных форм этнокультурных общностей с реалиями общецивилизационных процессов в мире. Разработка этого проекта могла бы стать своеобразным оселком, на котором могут опробоваться решения, связанные с идеей нового мирового порядка.

Смысл диаспорального существования, т. е. существования вне пределов автохтонной территории расселения своего этноса и вне рамок своей национальности, государственности, к настоящему времени существенно изменился. Из остаточного, пассивно изживаемого существования (с перспективой репатриации или ассимиляции) такое явление все чаще осмысливается как сознательно избираемая альтернатива, как экзистенциальный и/или социальный проект индивида или группы людей.

При этом стратегия диаспорального самоопределения воспринимается как стратегия максимальной самореализации (включающей в себя и реализацию этнически значимых составляющих существования), опирающаяся на возможности, связанные с процессами глобализации человеческого общежития, на такие его составляющие, как экономическая, технологическая, информационная интеграция и общецивилизационное выравнивание условий существования. Следствием этого процесса является все меньшая зависимость человека от места проживания и, значит, все более расширяющиеся возможности самостоятельного выбора и построения своего жизненного пути.

Если личный выбор в пользу жизни в диаспоре совершается более или менее стихийно и остается приватным делом предпринимателей такой выбор индивидуально, то на индивидуальным участникам процесса диаспоризации (государствам-метрополиям, государствам-восприемникам и мировому сообществу в целом) предстоит принципиально самоопреде-

литься по отношению к этому процессу. Это самоопределение потребует выработки новых культурно-политических и гуманитарных проектов, обещающих улучшение качества жизни, легитимацию и «мелиорацию» стихийно осуществляемых процессов диаспоризации.

К числу проблем, на решение которых придется, вероятно, направить свои усилия всем заинтересованным сторонам, можно отнести:

- правовые проблемы (например, проблемы представительства от диаспор в глобальных, региональных и государственных институтах);
- проблемы, связанные с культурным воспроизводством диаспор и сохранением культурной и религиозной идентичности этносов в диаспорах;
- проблемы участия диаспор и имеющихся в них этнокультурных ресурсов в глобальном и региональном разделении труда;
- проблемы психокультурного освоения людьми, проживающими в диаспорах, ситуации множественной идентичности (и освоения этой же ситуации населением метрополии и стран-восприемниц).

Модельной формой диаспоральности в эпоху становящейся синхронной связанности мира можно считать «полную» (мета-, супер-) диаспору, состоящую из трех компонент:

- жителей метрополии, организованной как национальное государство, население которого обладает устойчиво выраженной этнической, культурной и/или религиозной идентичностью;
- граждан страны-восприемницы, являющихся выходцами из метрополии, сохраняющих — в нескольких поколениях — историческую связь с метрополией, основанную на названной идентичности, и поддерживающих между собой достаточно плотные коммунитарные и определенные институциональные отношения;
- выходцев из метрополии, дисперсно проживающих в любых других странах, также сохраняющих с метрополией историческую связь по идентичности, но не образующих достаточно плотных сообществ, как то имеет место в предыдущем случае (дисперсия).

Условимся впредь до особой оговорки называть диаспорой полную форму диаспоральности и остановимся вкратце на некоторых ее особенностях.

Метрополия сама является диаспоральным объектом, по определению, ибо вне контекста диаспоральности, т.е. без учета фактического или возможного наличия соотносимых с ней диаспор и дисперсий в других странах, никакое государство не может считаться метрополией (как «местоисходом» диаспоры).

Однако и в диаспоральном контексте метрополия, фактически, может быть полиэтническим, поликультурным или поликонфессиональным государством. Но и в этом случае ее население должно обладать достаточно сильной — традиционной или рефлексированной — этнокультурной идентичностью, ибо только в этом случае она может быть транслирована в страны-восприемницы.

Отношения между метрополией, диаспорами и дисперсиями с общей идентичностью исторически изменчивы, динамичны. С каждой исторической трансформацией мира (или его части) меняется структура этого отношения, смысл и ценность идентичности и диаспоральности.

Модельный характер этой формы диаспоральности связан не только с тем, что историческим прототипом ее являются этнически маркированные диаспоры. Не меньшее значение имеет то обстоятельство, что в условиях становящегося ныне миропорядка — информационной открытости и наблюдаемости, международно-правовой легитимации, уравнивающей права человека и права государств, регулирования потоков миграции странами-восприемницами, дипломатической, финансовой, а иногда и военной поддержки и т.д. — этнически маркированные диаспоры приобрели качество стационарности (морфологической, структурной и динамической устойчивости). Все это создает предпосылки для принятия диаспоральности в качестве специфической международной реальности, а в случае некоторых диаспор выразилось и в прямой международно-правовой поддержке.

Хотя процесс диаспоризации мироустройства все еще находится в стадии представления, не получил общезначимых форм осознания и международно-правового выражения, наличие стационарных диаспор, основанных на этнокультурной идентичности, может служить отправной точкой прогностиче-

ских размышлений о возможных перспективах и механизмах дальнейшей диаспоризации. Одна из таких перспектив связана с возможностями превращения дисперсий в диаспоры.

До эпохи синхронной связанности системы типа «метрополия + дисперсия» не являлись диаспорами и имели мало шансов спонтанно стать ими. Положение меняется по мере уплотнения сетевых и инфраструктурных связей между странами, организациями и сообществами. По достижении некоторой пороговой плотности сетевых связей (даже в условиях малой компактности проживания) простые коммунитарные связи членов дисперсии вполне способны трансформироваться в институционально-диаспорические.

По этим же причинам все государства становятся потенциальными метрополиями, а их население приобретает диаспорическую мобильность. В частном случае одно и то же государство может быть метрополией для различных диаспор и дисперсий.

С учетом исторической динамики — изменений государственной идентичности стран, их границ и этнического состава, изменений политической, культурной и религиозной идентичности этносов и т.д. — следует признать, что в каждом историческом настоящем определенность пространственной и временной локализации «точек исхода из» для прошлого, «точек пребывания в» для настоящего времени и «точек ухода в» для будущего может размываться и потому каждый раз нуждается в переопределении.

Осевую перспективу эволюции и развития диаспоральной организованности мироустройства можно видеть в становлении новых стационарных постдиаспор и новых форм постдиаспоральности, возникающих на основе сложившихся форм диаспоральности, а в дальнейшем способных к отрыву от них, трансформации и собственной эволюции.

Опыт анализа стационарных, этнически маркированных диаспор и специфической для них идентичности позволит указать на несколько типов прогностически возможных типов постдиаспор и форм постдиаспоральности. Основанием для такого указания является рефлексивно выделенные схемы исторической реализации этих диаспор и устройства их идентичности.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.3:
Сборник статей - М., 1997.- 144 с.

Издательство «Путь»
Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Лицензия ЛР № 062848 от 09.07.93
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times ET. Усл. печ. л. 9
Тираж 100 экз. Заказ № 350. Цена договорная.

Типография ГПП «Печатник»
Москва, ул. Талалихина, 33

0, 11. (вернуть)